

В ПЕТРЯЕВО

«Только ты укатил в Вологду, - рассказывала Александру Романову его мать Александра Ивановна, - а к вечеру, смотрю, какой-то паренёк запостукивал в крыльцо. Кинулась открывать. Он смутился, отступил на шаг. «Я к Саше, - поздоровался, - Рубцов я.» Ведь я его не видала, а только слыхала о нём от тебя, и то, думаю, догадалась бы, что это он. Стоял на крыльце такой бесприютный, а в спину ему снег-то так и вьёт, так и вьёт Ну, скорей в избу. Пальтишко-то, смотрю, продувное. Расстроился, конечно, что не застал тебя. А я и говорю ему: «Так и ты, Коля, мне как сын. Вот, надень-ко с печи катанички да к самовару садись».

Глянула сбоку, а в глазах-то у него - скорби. И признался, что матушка его давно умерла, что он уже привык скитаться по свету... И такая жалость накатила на меня, что присела на скамью, а привстать не могу. Ведь и я в сиротстве росла да вот во вдовстве бедствую. Как его не понять!.. А он стеснительно так подвинулся по лавке в красный угол, под иконы, обогрелся чаем да едой и стал сказывать мне стихотворения.

Про детство своё, когда они ребящёнками малыми осиротели и ехали по Сухоне в приют Про старушку, у которой ночевал. Вот поди-ка как у меня. Про молчаливого пастушка, про журавлей и про церкви наши Христовые, поруганные бесами... Я вспугнуть-то его боюсь: так добро его, сердечного, слушать, а у самой в глазах слёзы, а поверх слёз - Богородица в сиянье венца. Это обручаль-

Что вспомню я?: фотосюжеты на стихи Н. Рубцова / Марина и Андрей Кошелевы ;
[вступительная статья : М. Кошелева, Л. Петрова, А. Сальников]. – Москва, 2011. – С. 147,
151.

ная моя икона... А Коля троеперстием своим так и взмахивает над столом, будто крестит стихотворения... Теперь уж не забыть его...

Перед сном все карточки на стене пересмотрел да и говорит: «Родство-то у вас какое большое!» Будто бы позавидовал.

«Да, - говорю, - родство было большое, да не ко времени. Извелось оно да разъехалось». «Везде беда», - только и услышала в ответ.

Поутру он встал рано. Присел к печному огню да попил чаю и заторопился в Воробьёво на автобус. Уж как просила подождать горячих пирогов, а он приобнял меня, поблагодарил и пошёл в сумерки. Глянула в окошко - а он уже в белом поле покачивается. Божий человек...»

Жена Александра Романова Анастасия Александровна вспоминает, как по-особенному входил Н. Рубцов на порог дома (сначала отступит назад, как бы извиняясь за свой визит, а потом уже входит), как пел он свою песню «Морошка» на новоселье у Астафьевых (ушёл весь в себя - никого вокруг не существовало) и как она последний раз встретилась с ним в декабре 1970 года на улице Герцена. Шёл он тогда по заметаемому снегом Вологде, опять же - весь погружённый в себя. «Окликаю его: «Что с тобою?» - «Пишу стихотворение...» И прочёл мне отрывок. Я запомнила только: «Она любила платье голубое...» Так и запомнился он мне - идущим в метель...»